

частям и элементам порознь. Поэтому же в этих статьях и высказываниях мы не найдем ни соотнесения произведения с замыслом автора, ни внимания к этому замыслу, ни стремления понять своеобразие авторской манеры. Свообразие было в принципе подозрительно: оно могло нарушить общую норму.

Доказательность критической оценки в данной системе литературного мышления должна была заключаться не в углубленном понимании идейных и художественных установок автора, а в дробности актов нормативного суда; желая быть доказательным, критик рассекал художественное произведение на ряд элементов, и применял норму к каждому из них в отдельности, суммируя затем свои приговоры в единый общий приговор. Само собой разумеется, что даже при стремлении быть доказательным, критик мог при этом быть весьма кратким: немного нужно слов и рассуждений, чтобы, сославшись на закон, определить в данном частном случае наличие отступления от закона или же наличие соблюдения его. Вот почему в этот период почти отсутствуют развернутые обширные критические работы (кроме, может быть, одной статьи Тредиаковского о Сумарокове и одной статьи Сумарокова о Ломоносове) и, наоборот, критика уместается либо в краткой заметке, либо в попутном абзаце, в полемической эпиграмме. Нет необходимости доказывать, что такого рода нормативная критика вовсе не была бесполезна в первой половине XVIII столетия: она императивно воспитывала требовательность, рациональность в отношении к литературе как ответственной идеологической функции. Она требовала и от читателя сознательности и дисциплины. Она говорила читателю: ты не имеешь права заявлять, что какое-то произведение хорошо только потому, что оно тебе нравится; ты должен дать себе отчет в идейной и художественной структуре произведения прежде, чем позволить себе получить от него удовольствие, ибо и сами твои удовольствия в сфере идеологии должны быть законосообразны. Прежде, чем читатель воспринял произведение, он должен был усвоить норму, которой это произведение должно было подчиниться, и читать произведение он обязан был как бы на фоне этой нормы. Норма, закон, сознательно принятая система «разумного» подчинения оказывалась реальной основой каждого конкретного эстетического факта и в творческом процессе и в процессе восприятия. Искусство прежде всего должно было стать правильным, выполнить законы, и это должно было стать существом его эстетического бытия, принципом красоты в нем, признаком художественности.

«Правильность» искусства слова была прежде всего правильностью языка. Норма поэзии представляла как норма литературной речи. Строительство принципиально-обоснованной литературы не могло и не должно было отделиться от строительства единой, за-